

Е.В. Притчина

Трансформация политической культуры в циклах российской модернизации

Обретение Россией эффективной системы власти и управления – одна из вечных проблем. Современные трансформации политической системы России, представляющие собой еще одну попытку ее решения, были вызваны к жизни предельно обострившимся в 80-е гг. XX в. противоречием между потребностями национального развития и организацией власти. В результате реформ была создана политическая система, внешне обладающая всеми атрибутами современной либеральной демократии. Однако власть в постсоветской России не меньше, чем в предшествующие эпохи, отчуждена от общества, нет системы прямых и обратных связей между властью и народом. Общество не контролирует государство и имеет крайне слабые представления о целях его политики. Практика власти носит в основном авторитарный характер. Системный кризис в России приобретает характер хронического. Поэтому вопрос, почему современный этап политического развития в России не привел к ожидаемым результатам, представляется не только теоретически значимым, но и актуальным с точки зрения политической практики.

Целью политического развития является повышение адаптивности политической системы, что, по мнению Л. Пая, означает наращивание ее способности вести общественные дела, урегулировать конфликты, удовлетворять требования народа. В первую очередь он отмечает способности трех типов: к инновации, т.е. способность приспосабливаться к новым проблемам, гибко реагировать на новые импульсы и непредвиденные ситуации; к мобилизации людских и материальных ресурсов для решения общезначимых задач; к выживанию [1, с. 13]. В России же политическая модернизация, которая осуществлялась путем заимствования западных образцов, не привела к оформлению современной политической системы, в деятельности дифференцированных и специализированных институтов которой аскриптивность, основанная на жестко предписанных ритуалах, сменилась бы стремлением к эффективности, или достигательной ориентацией. Налицо рассогласованность между фор-

мой российских политических институтов и характером их функционирования.

Любой институт – явление двойственное, его содержание зависит от типа развития, от политической культуры и, наконец, от традиций данного общества, определяемых цивилизационными основами его построения. В основе российского кризиса лежит базовое для современного этапа противоречие между новой парадигмой развития и характером власти, или между политической системой либерально-демократического типа и режимом, при котором она реализуется [2, с. 135]. Политический режим возникает прежде всего под влиянием политической культуры. Таким образом, основной проблемой является неадекватность политической культуры общества форме государственно-политического устройства и, как следствие, неадекватность формальной политической организации реальной структуре власти.

Политическая культура представляет собой не просто механический набор наиболее устойчивых политических установок и ориентаций, образцов поведения индивидов и групп, моделей функционирования институтов, пространственных в обществе ценностей, идей, символов, но и способ существования политической жизни общества. Она является одной из подсистем политической системы и одновременно ее окружающей средой. Ее основная функция – воспроизводство политической сферы общественной жизни. Любая стабильная политическая система располагает соответствующей культурной системой, на которую она опирается и которая легитимизирует ее существование. Культура устанавливает рамки поведения как для элиты, так и для масс, формируя политические институты, а также формируясь сама под их влиянием.

Политическая культура, как и культура вообще, система, в наименьшей степени подверженная изменениям, благодаря этому она может выполнять одну из важнейших своих функций – обеспечивать преемственность в развитии общества. Политическая культура формируется веками и представляет собой сложное образование, в котором в динамичных отношениях находятся пласты, относящи-

еся к разным историческим эпохам. Факторами ее формирования являются геополитическое положение, природно-климатические и социально-экономические условия, культурные традиции, а также политико-институциональный контекст. Политические институты не могут трансформировать политическую культуру фундаментально, но могут заставить индивидов и группы приспосабливать их культурные нормы к требованиям системы, так как вступая во взаимоотношения с властью, люди постепенно осваивают наиболее предпочтительные стратегии поведения. В России же формирование экономической и политической системы не подкреплялось адекватной трансформацией культуры.

Причины этого во многом кроются в особенностях процесса российской модернизации. Западная, или эндогенная, схема модернизации – это развитие, отличительной чертой которого является постепенный переход капиталистической экономики от ранних к более зрелым формам, дифференциация ранее слабо расчлененного общества на отдельные сферы, обладающие собственной, относительно автономной логикой бытия, становление гражданского общества, изменение самого человека, его представлений, ценностей, ориентаций и способа взаимодействия с себе подобными. Особое значение придается личной автономии и индивидуальной свободе. Культура модерна признает высшей ценностью личность, ее право на приватное пространство и частную, независимую от других людей деятельность. Модернизация становится необратимой лишь тогда, когда процессы в разных секторах социальной реальности приобретают взаимно кумулятивный характер, усиливая действие друг друга, приводя к тотальному преобразованию всех форм социальной [3, с. 85].

Модернизация включает в себя и политический аспект, который состоит в расширении территорий и упорядочении административно-политических границ, образовании национальных или федеративных государств, усилении центральной законодательной и исполнительной власти, дифференциации и специализации государственных структур и разделении властей, повышении способностей государства к структурным изменениям в экономической, политической и социальной сферах общества при сохранении стабильности и порядка, установлении политической демократии и включении широких масс населения в политический процесс.

Для России характерна эндогенно-имитационная модель модернизации [4, с. 72]. Внутренние предпосылки капитализма, складывавшиеся здесь стихийно, долгое время не получали развития. Их подавляли докапиталистические отношения, автократические формы правления и традиции. Однако наличие более развитого и грозного соседа – Западной Европы – создавало объективную потребность ускоренного развития еще до того, как полностью вызреют необходимые внутренние условия. Уже с конца XVII в. России приходилось постоянно догонять Запад, прежде всего в военном отношении, укрепляя свою военно-техническую мощь. С этой целью заимствовали на Западе технические достижения и научные знания. Инициатором крупных преобразований в общественном устройстве России выступала самодержавная власть, принуждавшая к переменам не только народ, но и господствующие круги. Таким образом, модернизация в России была догоняющей, ее цели определялись «сверху», а затем навязывались обществу.

Единственным субъектом догоняющего развития была авторитарная власть, которая жестко блокировала эндогенные источники развития, однако это позволяло использовать экзогенные, т.е. внешние. Своеобразие российской ситуации состояло в том, что государство было силой, инициирующей эволюционные изменения, и в то же время представляло собой инертную структуру, мало соответствующую природе преобразований и блокирующую естественное разрешение противоречий. Общество с его социокультурным потенциалом всегда выступало в качестве объекта реформирования, а не партнера.

Для эндогенно-имитационной модели характерно имитирование институтов и процедур, выработанных, как правило, на западной почве. Чтобы стать другой, система должна обладать внутренней основой для изменений. Переход в иное качество становится возможным благодаря «притворству» функций и структур, или остенративности, что проявляется в создании так называемых симулякров – культурных или политических образований, копирующих форму исходного образца [4, с. 69]. При этом заимствованные формы могут наполняться традиционным культурным содержанием, что создает псевдоморфозы. Заимствование может быть двух типов: первый – заимствование готовых результатов, что позволяет быстро обеспечивать экономический рост, но требует перенапряжения сил общества; второй – заимствование институтов, ко-

торые будут способствовать формированию у населения современных ценностей, норм, ориентаций и создадут мощные стимулы к саморазвитию. В России доминировали стратегии развития, ориентированные на первый тип заимствований. Реализовать их можно было только в рамках жестко авторитарного государства. При отсутствии соответствующей развитию культуры власти приходилось добиваться лояльности путем внешнего принуждения, что влекло за собой рост и укрепление в первую очередь государственного аппарата принуждения.

Кроме того, особенностью российской модернизации являлся ее анклавный характер, что усиливало разнородность общества. Реформы раскололи и без того далеко не однородный российский хронотоп на сторонников преобразований и на тех, кто был неразрывно связан с традиционными формами бытия. Сегменты российского социума, объединенные в политическом пространстве, оказались вынуждены существовать в разном социальном и политико-культурном времени.

На этом фоне практически неизменной оставалась авторитарная система политической власти. Российское государство складывалось в течение длительного времени путем расширения территории и присоединения, поглощения различных этнокультурных сообществ со своими социально-политическими организациями. М. Ильин считает, что отечественная политическая система оформилась уже к концу XVII в. и с некоторыми модификациями просуществовала до нашего времени. В ней можно выделить четыре эволюционно разнородных блока, которые консервировали определенный эволюционный тип и воспроизводили его логику целедостижения: вотчинный, или патримониальный, блок, представлявший собой простое сочленение вотчин-патримониумов, воспроизведение «семейной модели» господства во все более крупных масштабах; заимствованную у Византии христианскую теократию; упрощенную ордынскую деспотию; военно-бюрократическую структуру, заимствованную в начинавшей модернизироваться Германии. Эти блоки находились в остром конфликте друг с другом, так как различались по происхождению, принадлежали к разным эволюционным временам, и потому логики их функционирования существенно отличались друг от друга. Их интегрирование в единую систему достигалось при помощи медиатора, который был проще каждого из блоков и одновременно подобен каждому из них. Упрощая

смысл той или иной функции, он позволял воспринять и воспроизвести ее в логике других блоков. Медиатор соединял три сферы политической системы: ядро, посредующую и внешнюю оболочку. В центре стояла символическая фигура автократора. Внешняя оболочка – это во всех случаях народ. Между ними – слои посредования, которые в отдельных блоках могут раскрываться как военно-бюрократическая иерархия, так и в патримониальное «старшинство», как в ступени ортодоксии, так и в близости-удаленности от деспота [4, с. 74–75].

В России сформировалась и политическая культура, адекватная данной политической структуре. Она складывалась как синтез разнородных культур (автохтонной, европейской, восточной и византийской) и носила традиционный патриархальный характер. Отечественная политическая культура в своем развитии прошла целый ряд этапов: периоды Киевской Руси, Московского царства, Петербургской империи, советский и постсоветский периоды. Каждый новый исторический этап революционно отрицал предыдущий и отвергал как устоявшиеся формы общественной организации, так и прежние нормы и ценности. Однако каким бы резким ни был разрыв с прошлым, из века в век воспроизводились глубинные установки, которые закрепились как некоторые константы нашей политической культуры [5, с. 156–164]. К ним можно отнести авторитарную государственную власть, восприятие ее общественным сознанием как власти патриархальной, отеческой, попечительной, пассивность общества и его крайне слабую способность к самоорганизации, отсутствие разделения властей, их сменяемости в условиях конкуренции социально-экономических и политических интересов, правовых основ жизни, общественно-политический дуализм власти и общества. Система ценностей хотя и подвергалась эрозии, но постоянно самовоспроизводилась, не позволяя окрепнуть объективно необходимым изменениям в политической организации общества. На социальном уровне этому способствовало сохранение институтов традиционного общества, в первую очередь общины, которые жестко подавляли личность, не давая развиваться индивидуальному сознанию.

Для России характерна разнонаправленность процессов модернизации государства и общества. В силу неразвитости гражданского общества и исключительной роли государства широкие общественные преобразования подменялись модернизацией самого государства, наращиванием его военной мощи, совершенствованием

бюрократического аппарата и репрессивных органов. Политические реформы имели целью не создание либеральной политической системы, а рационализацию административного аппарата и повышение эффективности его функционирования. Политическая элита рассматривала модернизацию как функцию деятельности по самосохранению власти и властных отношений в исторически привычных формах авторитарного политического режима.

Осовременивание политической системы России проходило не в виде линейно-поступательного процесса, а волнообразно, через чередование циклов реформ и контрреформ. Реформы приводили к либерализации экономической и политической жизни, к дифференциации и усложнению политической системы. Период контрреформ представлял собой попытку приведения системы, элементы которой существовали в различных пластах политического времени, к тождественному состоянию, что выражалось в подавлении свобод и политической дифференциации, делавших политическую организацию единообразнее и упрощеннее в целях удобства централизованно-бюрократического управления. Вместе с тем контрреформы представляли собой своеобразный способ разрешения противоречий, порожденных предыдущими преобразованиями и одновременно продолжение уже начатой волны модернизации системы, но другими средствами, которые присущи жестко авторитарным или тоталитарным режимам [6, с. 43, 47].

Власть действовала под влиянием двух противоположных импульсов: объективной необходимости модернизации как средства обеспечить конкурентоспособность по отношению к странам Запада и объективной необходимости нейтрализовать ее разрушительное воздействие на все аспекты имперской идентичности [3, с. 92]. Это противоречие вызывало стремление максимально ограничить действие модернизационных процессов экономической и военной сферами.

Уже Петром I была заложена имперская модель модернизации, которая требовала мобилизации всех ресурсов общества. Для проведения преобразований государство широко пользовалось неэкономическими, насильственными мерами. Реформам в других областях общественной жизни власть всячески препятствовала. Политическая, социальная и экономическая сферы общества развивались рассогласовано. Это противоречие отмечал еще В. Ключевский, который указывал, что «реформа, совершаемая Петром Великим, не имела своей прямой

целью перестраивать ни политического, ни общественного, ни нравственного порядка... не направлялась задачей поставить русскую жизнь на непривычные ей западноевропейские основы, ввести в нее новые заимствованные начала, а ограничивалась стремлением вооружить русское государство и народ готовыми западноевропейскими средствами, умственными и материальными, и тем поставить государство в уровень с завоеванным им положением в Европе...» [7, с. 220].

Петровские преобразования положили начало трансформации политической культуры страны, расколов общество на сторонников реформ и их непримиримых противников. Импульс к разрушению системы традиционных ценностей был послан верховной государственной властью. Петр вывел государя из-под непосредственного контроля церкви, упразднив патриаршество; заменил боярскую думу сенатом, при котором были образованы отраслевые коллегии.

Упразднение патриархально-теократического московского царства и создание мощной светской империи потребовали изменения сакральной легитимации власти на рациональную и нового идеологического обоснования ее основ. В. Ключевский отмечал, что Петру принадлежит «важная заслуга первой попытки дать своей бесформенной и беспредельной власти нравственно-политическое определение. До него в ходячем политическом сознании народа идея государства сливалась с лицом государя, как в частном общежитии домохозяин юридически сливается со своим домом. Петр разделил эти понятия, узаконив присягать отдельно государю и государству. Настойчиво твердя в своих указах о государственном интересе, как о высшей и безусловной норме государственного порядка, он даже ставил государя в подчиненное положение к государству, как к верховному носителю права и блюстителя общего блага» [7, с. 210].

Уже в этот период отчетливо проявилась основная особенность отечественного политического реформирования – создание симулякров западноевропейских форм. В качестве теоретического фундамента абсолютистской власти использовался синтез традиционной русской политической философии и идей, заимствованных на Западе. Ф. Прокопович сформулировал основные положения официальной идеологии, используя для апологии ничем не ограниченной императорской власти теорию естественных прав и общественного договора. Российский абсолютизм основывался на пред-

ставлениях об общем благе как проявлении высшей Правды, единственным воплощением которой выступал монарх. Его решения были благодатью, нисходящей на подданных. Монарх стал рассматриваться как единственный источник творческого начала, субъект всех позитивных инноваций [8, с. 154–155].

Петр заимствовал шведские образцы административного управления, но внедрял их в крепостническое общество, создавая тем самым симуляры. Это позволило рационализировать политические институты, но не сделало политическую систему более современной.

Новые задачи, стоящие перед страной, требовали и нового типа человека: энергичного, образованного подданного, который не щадя жизни и сил будет трудиться на благо государства. Петр I предпринимал целенаправленные усилия по его формированию. Было введено обязательное светское образование для высшего сословия. Закладывались основы светской общественной жизни. Создавались новые каналы коммуникации власти и населения. В 1703 г. началось издание первой в Москве газеты «Ведомости о военных и иных делах», целью которой было распространение в обществе политических сведений и новостей. Ослабевали локальные связи, усиливались ориентации на централизованное государство. В обществе формировался тип политической культуры, который Г. Алмонд определял как подданнический.

«Табель о рангах» упорядочил государственную службу и открыл путь в дворянское сословие выходцам из низших сословий. Это давало возможность индивидуальной вертикальной мобильности и меняло систему мотивации. Однако новые политические ориентации были присущи тонкому привилегированному социальному слою. Основная же масса подданных империи продолжала жить общинной организацией и сохраняла архаично-традиционную политическую культуру. «Общинные представления, первобытные реакции на окружающий мир, допотопные страхи, чувство мистической беспомощности и зависимости – вот генетическая дефиниция традиционно-архаического сознания, а значит и традиционно-архаической политической культуры» [9, с. 33]. В то же время окончательно сложилась система крепостного права. Закрепощены были и дворяне, государственная служба для которых носила обязательней характер. Фактически рабами становились все подданные империи. Крепостной строй определял всю социальную и политическую структуру Российского госу-

дарства. «Вводя все насильственно, даже общественную самодеятельность вызывая принуждением, он (Петр) строил правомерный порядок на общем бесправи, и потому в его правомерном государстве рядом с властью и законом не оказалось всеоживляющего элемента, свободного лица, гражданина», – указывал В. Ключевский [7, с. 357].

Оценивая деятельность Петра, историк писал, что это была «борьба деспотизма с народом, с его косностью. Он надеялся грозой власти вызвать самодеятельность в порабощенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение, как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства – это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная» [7, с. 221].

Во второй половине XVIII в. при Екатерине II была завершена петровская волна модернизации, которая разрушила многие устои традиционного общества, придала ему динамику развития и упрочила связи с Западной Европой. В это время были созданы условия для формирования сословно-бюрократического государства. Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству 1762 г. и Жалованная грамота дворянству 1785 г., освободившие дворян от обязательной службы, впервые ввели в России статус свободного гражданина и создали условия для появления в обществе самостоятельного социального субъекта.

В России получили распространение идеи либерализма: правового государства, разделения властей, индивидуальных прав и свобод и первые робкие проекты ограничения монархии, оставшиеся на бумаге. Развитие просвещения, активная издательская деятельность способствовали зарождению такого института, как общественное мнение.

Однако либеральным идеям отводилось место декораций, они носили умозрительный характер и мало влияли на реальную практику государственного управления. Это противоречие породило раскол между обществом и государством, который проявился в разрыве коммуникаций внутри общества, между духовной и властвующей элитой, между народом и властью, народом и интеллигенцией [8, с. 196].

Признание за дворянами гражданских свобод со стороны государства не означало рас-

ширения их политических прав. Любое вольнодумство жестко пресекалось государственной властью. В. Костомаров справедливо заметил, что «покровительствуя вообще книжному и письменному образованию в России, правительство вместе с тем, ограждало свою власть от таких плодов книжного просвещения, какие для него были нежелательны» [10, с. 225].

Образно политическую культуру России XVIII в. описывал убежденный враг либерализма Жозеф де Местр: «Взбреди российскому императору на ум сжечь Санкт-Петербург, никто не скажет ему, что деяние это сопряжено с некоторыми неудобствами, что даже в холодном климате нет нужды в столь большом костре; нет, все промолчат, в крайнем случае подданные убьют своего государя (что, как известно, нисколько не означает, чтобы они не питали к нему почтения) – но и тут никто не проронит ни слова» [11, т. 2, с. 238].

Следующий цикл модернизации начался с либеральных реформ ранних лет царствования Александра I и проектов государственного устройства М. Сперанского. Впервые встал вопрос о принятии конституции в России. Разработка конституций и переход от абсолютной монархии к ограниченной в странах Запада служили компромиссом между гражданским обществом и государством и способствовали преодолению конфликта между ними. Но в России в этот период трудно говорить о наличии гражданского общества, которое смогло бы навязать абсолютистской власти какие-либо ограничения. Сперанский, заимствуя идеи западного конституционализма, адаптировал их к российским условиям и решал проблему: как ограничить самодержавие, не ограничивая самодержца. Разделение властей трактовалось им как простое разделение функций между государственными институтами, а фигура императора, сосредоточивавшая в себе верховную власть, должна была выступать медиатором между ними. Таким образом создавался симулякр конституционализма – в западную форму вкладывалось традиционное для России понимание системы власти.

Проникающие в общество либеральные ценности не находили адекватного отражения в политических структурах. В политической системе не были созданы каналы обратной связи между обществом и государством. Российский либерализм по большей части носил умозрительный характер, был оторван от насущных проблем. В обществе не сложился либеральный этос как стиль, образ практической деятельности.

Социальная активность наиболее просвещенной части общества не могла найти легальной реализации. Но изменения в политическом сознании требовали и появления новых форм политического поведения. Такая форма была заимствована опять-таки на Западе. Тайные общества, выступающие в качестве универсальной организации социально и духовно активных сил, которые были лишены возможности действовать в рамках существующих политических институтов и культурной традиции, стали существенным фактором европейской политики, когда в переходную эпоху закрепление буржуазных социально-экономических отношений соответствующими институтами только совершалось. Россия восприняла тайные общества в качестве культурного образца, но особенности среды-реципиента обусловили отличия их внешнего облика, социального состава и характера деятельности.

Тайное общество становилось явлением, «соединяющим мир индивидуальности и мир большой политики, открывающим новый тип общественных связей на макроуровне (человек – государство, человек – общественная среда) и микроуровне (человек – человек). Это – феномен, резко ломающий традиции сословного и группового поведения, предлагающий взамен традиционных ценностей – зачастую противоположные по знаку, взамен официальной и общепринятой – теневую сторону жизни» [12, с. 118]. Членов тайных обществ объединяли неформальные отношения, основанные на общности судеб и взглядов; понимание свободы как нормы и условия духовной и общественной жизни; стремление освободить отечество от тирании и рабства. От своих членов общество требовало готовности ради общего дела пожертвовать личными интересами, карьерой, собственностью и даже жизнью. Задача сохранения тайны организации требовала от ее членов подчинения своего поведения целям организации. Основным условием существования и деятельности тайных обществ была конспирация. Уже в конце XVIII в. в России широкое распространение получают масонские организации. В эпоху Екатерины масонские ложи играли роль философских обществ. В начале XIX в. масоны в России занимались политическими вопросами [11, т. 2, с. 211–212].

В первой четверти XIX в. эта культурная форма тайных обществ была использована первым оппозиционным дворянским движением декабристов. Отсутствие публичной политической сферы породило одну из существенных черт российской политической культуры –

отсутствие легальной ответственной оппозиции. Активистская политическая культура формировалась как культура нелегальной деятельности, политическая оппозиция – как революционное движение. Но это стимулировало охранительные тенденции и переход самодержавия к контрреформам.

Контрреформы Николая I «заморозили» политическое развитие. До середины XIX в. правящей династии удавалось сохранять традиционный уклад жизни, предотвращать общую ее либерализацию путем частичных поверхностных реформ.

Со второй трети XIX в. в России начинается оформление национальных идеологий. Российское общественное сознание искало ответы на вопросы о предназначении и путях развития страны. Становление основных мировоззренческих систем шло в полемике между славянофилами и западниками. Но несмотря на все различия, можно найти то общее, что объединяло эти два течения в рамках единой культуры. И те, и другие определяли историческое место России, ее особый путь, только соотнося ее с Западной Европой. Основное внимание было сосредоточено не на преобразовании и усовершенствовании настоящего, а на формировании социального идеала, отнесенного в иное время, у славянофилов – в прошлое, в Московское царство, у западников – в будущее.

Оппозиционная общественная мысль демонстрировала характерную для российского сознания нерасчлененность политического и социального. Политика не воспринималась как публичная сфера, в которой власть порождается, присваивается и распределяется на основе соперничества и конкуренции различных акторов, действующих по общим правилам, сфера, в которой находят выражение общественные интересы и достигается определенное социальное равновесие. Политика ассоциировалась с деспотической, неподконтрольной обществу властью, которая воспринималась как абсолютное зло. Это вызывало стремление дистанцироваться от нее. В концепции славянофилов это стремление породило идею о четком разграничении государства и общества и невмешательства их в дела друг друга. Революционно-демократическая идеология основывалась на анархизме.

Как для славянофилов, так и для революционных демократов были неприемлемы западноевропейский капитализм, парламентаризм, многопартийность. И те, и другие особый путь развития России связывали с традиционным социальным институтом – крестьянской

общиной, создавая, по сути дела, реакционную утопию. «Славянофилы увидели в общине доказательство особого характера России, выражение ее коллективистского духа и блюстителя равенства. Западники, начиная с Александра Герцена, увидели в общине доказательство социалистического характера русского крестьянина» [11, т. 3, с. 40–41].

Поражение России в Крымской войне (1853–1856 гг.) наглядно продемонстрировало системный кризис российского общества. Власть вынуждена была приступить к комплексной трансформации всей общественной системы. Новая волна модернизации началась реформами конца 50-х – начала 60-х гг., проведенных правительством Александра II. Реформы включали многоаспектную дифференциацию политических институтов: введение нового судопроизводства, городского управления, земского самоуправления. Возникли предпосылки формирования гражданского общества, были созданы условия для усложнения политической системы.

Преобразования вступали в противоречия с традиционализмом внутри российского общества. Отменив крепостную зависимость, правительство не могло освободить крестьян от власти сельской общины, от патриархальной семьи, от традиционных ценностей и норм, господствовавших в культуре. Освобождение крестьян вызвало резкое недовольство консерваторов. Попытки инициировать начала самоуправления в обществе, не меняя самих основ верховной самодержавной власти, не могли привести к заметным результатам.

Недостаточная радикальность реформ привела к абсолютизации в сознании разночинной интеллигенции революции как средства переустройства общества на началах социальной справедливости. В 60-х гг. XIX в. появились подпольные революционные организации. В 70-х гг. создавались народнические организации, которые могут быть определены как протопартии. Особенности их построения и деятельности были обусловлены нелегальным положением, ориентацией на революцию. Основными организационными принципами являлись строжайшая конспирация, жесткая дисциплина и кооптация членов; основными методами работы – пропаганда, агитация и террор. Роль последнего все более усиливалась. В общественном сознании, сосредоточенном на лидере, все экономические, социальные и политические процессы ставились в зависимость от властителя, и объектом оппозиционной борьбы были не институты, а конкретные носители власти.

Убийство народовольцами Александра II положило начало периоду контрреформ, которые привели к рецидиву традиционализации. При Александре III и Николае II усилился полицейский характер государства, была подавлена относительная самостоятельность судов, свернуты местное самоуправление, университетская автономия. Затормозились процессы становления независимых от администрации общественных институтов и разложения крестьянской общины.

Усиление охранительных тенденций вызвало реакцию общества и консолидацию революционных элементов. В 1898 г. была создана первая массовая партия – РСДРП. Она изначально создавалась как антисистемная, революционная и нелегальная организация.

Политические партии – неотъемлемый элемент современной политической системы, механизм выявления и согласования социальных интересов, средство придания системе стабильности и динамизма, без которого невозможно функционирование режима представительной демократии. В России же первые политические партии, симулируя европейские образцы, возникли как инструмент разрушения политической системы. Таким образом эта форма организации политической деятельности, рожденная на Западе, в российских условиях превратилась в псевдоморфоз.

Поражение России в войне с Японией стимулировало новую волну модернизации, которая была начата реформами С. Витте – П. Столыпина. Конституция 1906 г. стала шагом к созданию новой политической системы, основанной на принципах конституционализма – разделения властей, парламентаризма, многопартийности. Появилась возможность формирования публичной политической сферы, диалога власти с обществом посредством новых политических акторов – партий, Государственной Думы, профсоюзов, земств. Однако эти новые формы политических отношений не успели развиться и закрепиться в качестве культурных образцов.

Две массовые революции 1917 г., Гражданская война 1918–1920 гг. перечеркнули предшествующие преобразования и чрезмерно упростили политическую систему. Ликвидация частной собственности уничтожила основы гражданского общества, привела к максимальной этатизации общества. Упразднение парламентаризма и разделения властей, разрушение институтов самоуправления, развитие прямой демократии в форме Советов на практике привело к воссозданию самодержавной

конфигурации власти. Россия сменила форму политической системы, но наполнила ее традиционным содержанием – единоличной властью лидера, обладающего трансцендентной легитимностью – знанием «Высшей правды» построения нового идеального общества. Механизмы легитимной смены власти отсутствовали. Запрещение идеологического и политического плюрализма означало слияние государства с коммунистической партией и подчинение ей всех государственных структур. Основными принципами функционирования утвердившейся политической системы стали жесткий централизм, закрытость, несоответствие конституционных норм и политической практики, иллегитимный авторитарный способ принятия решений, огромное влияние неформальных группировок – земляческих, патронажно-клиентельных, клановых. Возникшую тоталитарную диктатуру М. Ильин оценил как «типичное проявление дисфункциональных срывов, спровоцированных форсированными модернизациями XX столетия» [4, с. 80].

Нивелировав все общество, уравнив всех в крайнем бесправии перед лицом тоталитарного государства, система, созданная в период правления И. Сталина, не ликвидировала раскол в обществе, не разрешила социокультурные противоречия, но загнала их внутрь, перевела в латентное состояние и тем самым смогла эффективно мобилизовать общество для нового рывка экономической и военно-технической модернизации. Однако сталинская модернизация воспроизводила прежнее противоречие – осовременивание общества традиционными методами – и тем самым устанавливала преграды на пути экономического и социального развития.

Революция, гражданская война, коллективизация, индустриализация и урбанизация разрушили структуру российского социума. Маргинализация общества актуализировала традиционалистские и архаичные элементы в структуре общества и в массовом сознании, усилила ориентацию на уравнивательность, тягу к сильному патерналистскому государству. Уже в новых условиях воспроизводилась традиционная идея персонифицированной власти. «Синтетически государство для нас и лидер, и Власть, а патриотизм – лояльность и любовь к главе государства» [9, с. 38]. При этом конкретная личность вождя не имеет значимости для общественного сознания. Российский лидер выступал как символ, ритуальный абстрактно-обобщенный образ, «примитивно антропоморфирующий идею или идеи, которые

в свою очередь обозначают, именуют те силы давления, страхи и робкие чаяния, обуревающие традиционное общество» [9, с. 39]. Воспроизводились также традиционные представления о политике как арене борьбы «своих» и «чужих», что позволяло абсолютизировать социальную борьбу и трактовать ее как развитие, движение вперед. Ориентация на поиск «чужих», врагов была использована тоталитарной властью для оправдания внутреннего террора, борьбы с инакомыслящими, упрочения режима. Однако проблема заключалась в том, что общество с традиционной культурой не могло решать новые задачи, вставшие перед государством.

Политическая культура нового советского общества в общих чертах сформировалась к 30-м гг., развивалась и трансформировалась до конца 80-х гг. Несмотря на все отличия, она стала продолжением дореволюционной российской культуры. Некоторые ее традиционные элементы в превращенном виде просуществовали до наших дней. В то же время политическая культура не оставалась неизменной. Сложно согласиться с тем, что «политическую культуру данного типа трудно изменить по сути, легче уничтожить, разрушив ее архаически-сакральный базис. Внешние же переделки малоэффективны в силу консервативности самого политического сознания, благодаря которому эта «внутренняя» традиция свободно проникает во «внешние». И ни конфликтность российского политического сознания, ни даже воплощенные в реальность политические конфликты, открывающие новые исторические циклы, не способны изменить основ российской политической культуры, а значит и политической жизни» [9, с. 51].

Политическая культура меняется с изменением условий жизни, с появлением новых сфер и способов деятельности. Трансформация российской политической культуры была обусловлена потребностями социально-экономического развития страны. Ликвидация неграмотности, введение всеобщего начального, а затем среднего образования, увеличение числа людей, имеющих высшее образование, развитие СМИ повысили информированность населения о политических процессах. Индустриализация и урбанизация разрушили традиционный уклад жизни, увеличили численность городского населения. Ориентации на локальные сообщества сменились ориентациями на централизованное государство.

Но все-таки основным фактором формирования политической культуры советского об-

щества являлась система тоталитарной власти. Появление новых политических практик можно рассматривать как адаптацию к безальтернативным условиям жизни. Отрицавший публичную политическую жизнь тоталитарный режим был невозможен без массовой социальной поддержки. В структуре системы политической социализации, сформировавшейся в СССР, можно выделить идеологический компонент, призванный оправдывать монополию центральных органов власти на принятие решений, и институциональный, благодаря которому массы мобилизовывались на их выполнение. Власть не нуждалась в самостоятельных политических субъектах, ей нужны были исполнители, безусловно лояльные к существующему режиму. Господствующая идеология, основанная на постулате об объективных законах общественного развития, формировала в сознании людей картину мира, где цель была задана извне. Роль человека состояла в том, чтобы как можно добросовестнее действовать в соответствии с поставленными задачами.

Феноменом советской политической культуры стал огромный разрыв между ее нормативной моделью и реальностью. Как идеальный тип политическая культура социалистической демократии представляла собой комплекс ценностей и образцов поведения, который предусматривал «активное участие граждан в осуществлении власти на всех уровнях, одобрение и активную поддержку гражданами социалистического строя, демократические формы политической деятельности, позволяющие выявлять и представлять взгляды и интересы в рамках социалистической системы, социалистическую законность, социалистический интернационализм» [13, с. 269]. Реальность же состояла в отсутствии публичной политической сферы, отчуждении человека от власти. Сформировавшийся этатистский тип политической культуры позволял стабилизировать советскую политическую систему, но стал непреодолимым препятствием для динамичного поступательного развития общества.

Модернизация в России не привела к когерентным преобразованиям всех сегментов социума. Каждый раз новая общественно-политическая система воспроизводила сущностные параметры власти, ставя предел возможностям собственного развития и готовя очередной системный кризис. Трансформация политической культуры шла не путем усвоения новых ориентаций и моделей поведения, адаптации традиций к новым общественным условиям, а путем заимствования западных политических

образцов и наполнения их традиционным российским культурным содержанием, что породило новые феномены политического сознания и поведения, неадекватные потребностям социально-экономического развития. Это закрепля-

ло и обостряло противоречие между формой политических институтов и характером их функционирования, препятствовало и продолжает препятствовать становлению современной эффективной политической системы.

Литература

1. Pye L., Verba S. Political Culture and Political Development. Princeton. 1965.
2. Дахин В. Эволюция и революция в российском кризисе // Pro et Contra. Т. 4. 1999. №3.
3. Каспэ С. И. Имперская политическая культура в условиях модернизации // Российская политика на рубеже веков. М., 2001.
4. Ильин М. Политическое самоопределение России // Pro et Contra. Т. 4. №3. 1999.
5. Гудименко Д.В. Политическая культура России: преемственность эпох // Полис. 1994. №2.
6. Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России // Полис. 1998. №2.
7. Ключевский В.О. Сочинения. М., 1958. Т. 4.
8. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. Новосибирск, 1997.
9. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Политический мир России. Томск, 1996.
10. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях главнейших деятелей. Т. 3. СПб., 1992.
11. Геллер М. История Российской империи. М., 1997. Т. 2.
12. Жуковская Т.Н. «Тайные общества» 1810–1820-х гг.: феномен культуры в контексте политики // Образы власти в политической культуре России. М., 2000.
13. Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979.